

**Межмуниципальная конференция
«Краеведческие чтения в Бортсурманах»**

Исследовательская работа

Святыни земли Сергачской

Автор:
Солдатова Нина Ивановна,
лектор-экскурсовод
МБУК «Краеведческий музей
имени В.А.Громова»,
65 лет
г. Сергач

с. Бортсурманы
2016 г.

Содержание

Глава 1. Соборная церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери.

Глава 2. Наша Напольная. (Церковь во имя Иоанна Милостивого).

Глава 3. Всем миром. (Церковь во имя Архангела Михаила, м-н Гусево)

Глава 4. История села Ключево и Ильинской церкви в нем.

Приложение 1. Никольская церковь села Пожарки.

Приложение 2. Никольская церковь с. Лопатино.

Приложение 3. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца (с. Мигино)

Глава 1. Соборная церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери.

Не одно поколение сергачан восхищалось красотой и величием соборной Владимирской Божьей матери церкви, мастерством строителей, умением выбирать место. В семьях некоторых коренных горожан сохранились отголоски семейных преданий об участии их предков в строительстве собора. Но уходят в мир иной представители поколения, которое помнило имена последних священнослужителей, красоту внутреннего убранства, звучание церковного хора, не оставляя записанных свидетельств. Прерывается связь времен... О людях же, возводивших церковь и служивших в ней в то время, могут рассказать только архивные документы.

В 1654 году в селе Сергаче (или Сергачеве, Сергиеве - так называлось село в документах боярина Морозова, в чьих владениях оно тогда находилось) было две церкви: во имя Владимирской Божией Матери с приделом во имя Сергия Радонежского и во имя пророка Илии. Первая простояла до 1752 года, была разобрана из – за ветхости и на ее месте построили новую; вторая, теплая, построена рядом с первой в 1737 году. Обе церкви строились из дубового и липового леса, который доставляли «возком на себе» из явлейского леса, ставились «на члены», т.е. на сплошные деревянные столбы, как бы на деревянный фундамент. Внешний вид их был незатейлив: шатровые крыши и стены снаружи обшиты вершковым тесом, внутри низкие, на стенах с обеих сторон тянулись полки, на которых стояли фамильные образа и куда богомольцы клали шапки и рукавицы. Каждый нес свою свечу или покупал в церкви, сначала ставил к своим образам, потом к мирским иконам, которые были греческого письма «невысокого достоинства», кроме храмовой иконы Божией Матери.

По статусу уездного города в нем непременно должна быть каменная церковь и каменное здание присутственных мест. В марте 1807 года крестьяне города и посадские люди на сходе решили строить каменную церковь. Нижегородский гражданский губернатор Андрей Максимович Руновский получает «всепокорнейшее прошение»: «1807 года 10 марта нижегородской

губернии балахнинской округи вотчины его сиятельства генерал – майора Василия Алексеевича Урусова села Вершилова крестьянином Михаилом Никитина сына Соколова заключен сей контракт Нижегородской же губернии г. Сергача с посадскими и крестьянами в следующем: подрядился я, Соколов, у них в городе с моими рабочими людьми ценою за 9500 рублей из заготовленных мною материалов в следующие 4 года построить каменную церковь с колокольнею во всем точно по проработанному Его Преосвященством плану и фасаду на месте, где позволено будет, прочною и чистою работою».

Он обязался настоящую церковь «возвысить до кумпола в 4 сажени с половиной», колокольню «до яблока что под крестом до 10». Купола на церкви и крыши на колокольне и фронтонах покрыть листовым железом. На прочном грунте сделать сарай для обжига кирпича «самого лучшего и прочного сколь потребно будет». Тес для кровли покупать сухой и прочный «не уже двух четвертей ширины и не тоньше вершка толщины», для полов и дверей – «толщиною в полтора вершка». Пол внутри церкви и трапезе настлать деревянный, связывая «тесницы деревянными шипами», а под колокольней выстлать кирпичом. Сделать печи с чугунными вьюшками, железными затворками и поддухами. Он также обязался все работы производить силами своих рабочих и быть неотлучно при них, чтобы они с прилежанием и тщательным образом трудились. Сергачским же крестьянам предполагалось только собирать к определенному сроку деньги и передавать их лично Соколову.

Предполагалось задаток в 500 рублей выдать к началу работы в конце апреля – начале мая на питание рабочим; по окончании копания и подвозки бута, а также на покупку разного железа и теса в начале июля – 800 рублей; для задатка рабочим – 800; на подвоз кирпича и кладчикам – 500; на покупку кровельного теса для полов и дверей, гвоздей – 700. В январе 1808 года на оплату рабочим – 500, в мае на покупку железа -500 и прочих материалов – 1000 рублей, все было расписано наперед. Если во время строительства в течение трех лет на стенах и своде появятся трещины, то исправлять это должен М.Соколов на свои средства. Если он по болезни или по каким – то

непредвиденным обстоятельствам не сможет завершить работу, то вместо него это сделает его отец Никита Афанасьев и брат Яков Соколов. Дополнение: если горожане захотят сделать под крышу водосточные железные желоба, а по углам карниз с отводами, то для этого нужно будет собрать еще 500 рублей.

11 марта контракт был записан в городской ратуше, для исполнения была выдана копия. В виду неграмотности строителей «руку приложил» канцелярист А.Михайлов. Подписи поставили: бургомистр купец третьей гильдии Матвей Склянцов, купец Иван Нефедов, за купцов и мещан (14 человек) – купеческий сын Тимофей Минеев и Роман Замков, купец Семен Горланов. Крестьяне (53 человека) обязались «собирать с каждой ревизской души с 827 душ по 6 рублей, платить Соколову... в назначенные сроки безотговорочно». За них подписался земской Спиридон Андреев. По данному контракту на то время выдано старостой Иваном Егоровым и Александром Фадеевым 2600 рублей.

В июне 1807 года поверенный сергачских крестьян Михаил Алексеев и подрядчик М.Соколов отправляют в Нижегородское губернское правление просьбу об отправке в Сергач для освидетельствования приготовленных тем подрядчиком для кладки церкви материалов и заложенного фундамента губернского архитектора. Приехав в Сергач, архитектор Медецкий вместе с городничим М. И. Лызловым, поверенным М.Алексеевым, смотрителем строящейся церкви протопопом Афанасьевым и приглашенными купцами Л.Лепилиным, И.Пигалевым, С. и М.Горлановыми, с подрядчиком, имея на руках копию контракта, произвел «изыскание, кто из людей окажется в несоблюдении иногда контракта всего онаго производства», чтобы провести надлежащее рассмотрение в уездном суде. Они осмотрели строительные материалы и заложенный фундамент. Выяснилось следующее. Фундамент по правой стороне церкви вырыт до материка, укладывать бутовый камень нужно на пол-аршина, но этого не сделано; по левую сторону фундамент положен не более аршина, что тоже не делает его прочным. В растворе песка замешано больше положенного. Кирпич, находящийся в сараях и частично около церкви,

сделан из глины, смешанной с илом и мелкими камешками и плохо обожженный, так что большая часть его уже развалилась. Произведена была проверка извести. Поливались ей 5 кирпичей, через 15 минут поднимали за стопку верхний кирпич, поднятыми оказались 2 кирпича, при второй пробе через 3 часа – 3 кирпича. Свидетелями при этом было 29 крестьян. Об этом архитектор и рапортует Губернскому правлению 11 июня. Крестьяне Сергача через суд требуют с М.Соколова неустойки вследствие «употребления при закладке церкви неспособного и непрочного материала». Строительство было приостановлено.

На обжиг кирпича для строительства каменной церкви была разобрана пришедшая в ветхость Ильинская. Часть иконостаса из нее позже была передана в часовню при тюремном замке, другая – в деревянную часовню, установленную на Святом ключе. В конце XIX века бытовало предание о том, что некогда на ключе был «явленный чудотворный образ Владимирской Божией Матери, но скрылся и явился потом в с. Кемарах Княгининского уезда». На Святой ключ ежегодно 23 июня совершался крестный ход из Соборной и Дамаскинской церквей, в часовне отправлялось молебное пение, а на ключе совершалось водоосвящение.

До строительства каменной церкви требы совершались в старой Владимирской. При вступлении в брак в специальной книге оформлялся документ, который тогда назывался «сказкой». В присутствии священников, церковного и мирского старост, купцов, рядовых крестьян и родственников жениха и невесты в книгу записывали, что все перечисленные «со товарищи дали сию сказку приходским священноцерковнослужителям в том, что между означенными хотящими брачиться (имена жениха и невесты) кумовства, сватовства и крестного братства и других каких – либо виннословий не имеется».

Женились и крепостные, тогда в книге появлялась другая запись: «Коллежский секретарь Александр Иванов сын Петров крепостным моим дворовым людям Федоту Андрееву вступить в законный брак с девкою

Авдотьей Михайловой позволяю по собственной и непринужденной их воле, и в том с моей стороны принуждения им от меня никакого нет и к сему бракосочетанию желание они имеют и согласие самопроизвольное, и к сему их супружеству препятствия никакого нет».

В 1817 году, когда началось строительство, в городе было две церкви: ветхая деревянная во имя Владимирской иконы Божьей Матери с приделом С.Радонежского (1752 г.) и Напольная во имя Иоанна Милостивого с приделом Иоанна Дамаскина (1799). Благолепием иконостаса, ризницею и пр. утварью первая "удовольствована изрядно", при ней пашенной, сенокосной, селидебной и усадебной земли 33 десятины.

В ведомостях за тот же год о священнослужителях узнаем об их возрасте, семейном положении, отношении к своим служебным обязанностям: АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ, 64 лет, вдов, честного состояния; священник ДОРМИДОНТ ПЕТРОВ, 41 года, хорошего состояния; дьякон ИВАН ИВАНОВ, 36 лет, трезв и в должности исправен; дьячок АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ, 45 лет, состояния не худого; дьячок ПАВЕЛ КОЗЬМИН, 20 лет, состояния хорошего; пономари ИВАН ИВАНОВ(27) и ИВАН СЕРГЕЕВ(28)лет, оба «состояния не худого». Жалоб со стороны прихожан в их адрес не было.

В 1816 году Комиссия духовных училищ выделила на строительство каменного собора в городе Сергаче 37.024 рубля 50 копеек. В начале 1817 года из Духовной Консистории была выдана книга со шнуром и печатью, в которой должны быть записываемы всякие расходы (кому именно, когда, сколько выдано денег). Оговорено также было, чтобы ежемесячно рапортовать о расходах суммы и об успехах в работе.

Подрядчики, получив деньги за разные работы по контрактам, расписывались в этой книге, а избранные и утвержденные ктитору (церковные старосты) своею подписью подтверждали расход. В 1819 году "строение собора покончено, о чем от преосвященного епископа Моисея донесено митрополиту Новгородскому и Санкт- Петербургскому Михаилу". Алтари – в правом приделе в честь пророка Божия Илии, в правом – в честь Сергия Радонежского – были

освящены в 1820 году, а главный - в честь Владимирской иконы Божией Матери – в 1828. Расходные книги были отправлены в Комиссию Духовных училищ.

Но в 1828 году, в июне, митрополит Новгородский возвращает книги, поскольку они показывают только расход выделенной суммы без пояснения или сравнения со сметой, и просит епископа Нижегородского Афанасия: "... благоволили приказать кому следует составить из оных по установленной форме подробные отчеты, кои доставить в комиссию на ревизию вместе с подлинными сметами и книгами".

В июле в Нижегородской Духовной консистории решено было истребовать из Сергача подробные, с возможной поспешностью отчеты о расходе денег. Благодинный г. Сергача священник Василий Федоров, опросив священнослужителей и крестьян города И.Егорова, Е. Смыслова, И. Петрова, выяснил следующее: действительно, он лично, будучи в 1817 году дьяконом, вместе с протоиереем Александром Афанасьевым и перечисленными крестьянами, был при получении денег; действительно, деньги были записываемы в расходную книгу в присутствии Сергачского уездного казначея Петра Соловьева, а записи расходных статей велись старшим ктитором купцом Иваном Нефедовым. Но ни священник, ни крестьяне не видели смет, не знают, где они находятся, и подробного отчета составить не могут, тем более, что протоиерея в данное время в городе нет, а казначей уже умер. Оказалось, бывший протоиерей является иеромонахом Благовещенского монастыря; он был вызван в Духовную Консисторию, где получил указание о составлении отчета о расходах выделенной на строительство суммы, что и сделал к ноябрю 1829 года.

Из его отчета мы и узнаем подробности о строительстве и некоторые имена принимавших в нем участие. Так, трех видов кирпичей было изготовлено 600000 штук, за что в разное время выдано с транспортными расходами 5729 рублей 50 копеек. Извести 20 - пудовых бочек для кладки стен и фундамента закуплено 1389 штук, за них уплачено 14571 рубль. В расходной книге за 1817

год записаны сведения о поставке связного железа мещанином города Инзара Андреем Лакшиным и поверенным города Лазарева Афанасием Рычиным на общую сумму 17708 рублей 12 копеек, а также кровельного, полосного железа купцом Ягодинским. Фамилия последнего в отчете встречается часто: кроме железа, у него покупались гвозди, костыли. Кузнецам Алексею Герасимову, Алексею Озерскову «со товарищи» отдано 414 рублей 35 копеек. У сергачского крестьянина Козьмы Кирпичникова закуплены решетница и тес, у мещанина Семена Горланова – лубки. Подрядчику Тихону Молеву для найма на работу людей всего было выдано 6479 рублей 45 копеек. За подвоз воды крестьянину Ивану Петрову – 54, а Ивану Симонову – 200 рублей. «Песок во все время созидания каменная церкви усердием прихожан к строению был привозим безденежно». Кровельщикам за покрытие кровли с их краскою, гвоздями и проволокою – 937 рублей 50 копеек (с каждого листа – 1875 штук – по 50 копеек). За очистку мусора по смете положено было заплатить 700 рублей, но "попечением и трудами прихожан все оное исправлено без денег". За выстилку полов, сооружение двух глав и установку крестов было положено 3350 рублей, но "в церкви пол сделан из деревянного соснового теса на счет доброхотных дателей и прихожан", "кресты на церковь и колокольню постановлены усердием прихожан и доброхотных дателей".

После проверки выясняется, что было передано купцу Ягодинскому 37 рублей 73 копейки. Иеромонах Афанасий вызван для объяснения, но не знает, где контракты и кто передал эти деньги.

В январе 1830 года он умирает. В феврале в Сергач уходит распоряжение: деньги, переданные Ягодинскому, "сыскать из кошельковой Сергачской соборной церкви суммы, которую показать в отчете как оставленную за расходами". 30 ноября 1831 года Василий Федоров, священник собора, сообщает в Духовную Консисторию, что все по предписанию сделал: деньги списал в расход, а подписи собрать не может, так как все уже умерли. В декабре отчет, сметы, оставшиеся деньги отправлены в С - Петербург.

В 1833 году при церкви два прихода. В приходах в 316 дворах

проживало 1265 мужчин и 1375 женщин. Штатным священником в тот год был Василий Страхов, 29 лет, вдовец, при нем дети – Феоклит и Григорий. На его иждивении также находится теща, вдовая попадья. Вторым штатным священником был Иван Иванов, 53 лет, при нем жена Гликерия Степановна, 54 лет, внук, сын протоиерея с. Богородского Иванова, отосланного на военную службу, и две внучки, а также сноха после умершего сына Егора, священника с. Старинского. Штатный дьякон Александр Флеров, 37 лет, обучался в семинарии. При нем жена и его воспитанник - восемнадцатилетний Александр, новокрещенный из татар, родом из деревни Пошатовой. В 1828 он был обращен дьяконом в христианскую веру, а в 1830 году правительством исключен из татарского звания, приписан к духовному сословию, обучался в Нижегородской духовной семинарии. Штатный дьячок Иван Федоров, 27 лет, при нем жена, сын и три дочери, а также мать его, вдова пономаря с. Болдина с дочерью. Штатный пономарь Александр Лавров, 23 лет, холост.

По описи 1854 года интересно было узнать, как выглядела церковь внешне и каково ее внутреннее убранство. Вся церковь, паперть, трапеза и фронтон покрыты листовым железом и окрашены зеленой краской. При входе в паперть каменное в пять ступеней крыльцо, фронтон которого поддерживался четырьмя колоннами. Всего окон в главной церкви внизу 7 и вверху 14, из них два полукруглых и 6 круглых; в приделах – 8, в паперти – 4, все они внизу за железными решетками. Пол во всей церкви и паперти деревянный, окрашен желтой краской. Стены и своды оштукатурены и «в настоящей окрашены разными красками и по местам расписаны приличными изображениями». Предалтарный иконостас столярной работы "в один ярус с 12 колонными столбами, окрашен сиреневою кубовой краскою, карнизы и резьба покрыты на полимент 1 –го номера позолотою, между святых икон колонны окрашены таковою же сиреневою краскою, а по концам сверху и снизу на полимент позолочены".

За святым престолом образ Святой Троицы " в киоте красном, обложен резным золоченым бордюром, за стеклом, на нем оклад и ризы серебряные 84 –

й пробы, весом 3 фунта и 5 золотников, мерою в длину 1 аршин, а в ширину 3 четверти, стоит на деревянном желтом пьедестале". За правым клиросом "в особом иконостасе образ Владимирской Божьей Матери, на ней риза фольговая, низанная бисером, и венец медный посеребренный весом 48 золотников, длиною 6, шириною 5 четвертей". Перед ней медно- серебряная лампада весом 9 с четвертью фунтов. Паникадило было о трех ярусах, медное, посеребренное, с 24 подсвечниками. В ризнице хранилось Евангелие 1794 года в 4- ю долю листа "обложенное малиновым бархатом, средник и наугольники покрыты серебряными чеканными листами 84- й пробы". Имелось три серебряных диска весом 62, 45, 36 золотников; в книгохранилище – книги 1766, 1776 и 1784 года; метрики и духовные росписи хранились с 1797 года. На колокольне в верхнем этаже висело 6 колоколов, первый колокол весил 89 пудов 30 фунтов.

В 1886 году в уезде при церквях устраиваются певческие хоры, в том числе и при соборной в Сергаче, где хор управлялся председателем уездной земской Управы А.И.Епифановым.

В 1904 году в приходе соборной церкви православных прихожан: 1708 мужчин и 1802 женщины. Протоиерей Николай Александрович Рачинский, 71 года, окончил семинарию по первому разряду, при соборе с 1874 года, имеет наперсный крест (1884); иерей Николай Николаевич Никольский, 40 лет, окончил семинарию, в соборе с 1898 года, куда был перемещен из Акузова и тогда же утвержден в должности законоучителя в сергачском женском и начальном мужском училищах, имеет скуфью (1900); дьяк А.А. Мегистов, 34 лет, окончил церковно – учительскую школу, в соборе с 1896 года; псаломщик Н.А.Стеклов, 55 лет, из высшего отделения духовного училища, в соборе с 1870 года; псаломщик Е.А. Сабуров, 53 лет, из среднего отделения духовного училища, в соборе с 1898 года; церковный староста – купец Н.А.Лысихин с 1898 года.

Глава 2. Наша Напольная. (Церковь во имя Иоанна Милостивого).

Сколько же еще тайн о событиях прошлого сокрыто от нас во времени!

Оно неумолимо отсчитывает мгновения, годы, века, уводя за собой людей, помнивших местные предания и хранивших семейные архивы, пряча их в папки или, хуже того, уничтожая документы как неостребованные современниками.

Но то же время самым чудесным образом подарит встречу с очевидцем, владеющим интересующей информацией, или неожиданно преподнесет документ, в котором находится ответ на давний вопрос.

А вопрос, волнующий автора этих строк, занимающегося историей сергачских храмов, таков: «Когда, кем была построена Напольная церковь?» А в просмотренных ранее архивных документах найти удалось немного – только упоминание о том, что в Сергаче, кроме остальных, нам известных, есть «Кладбищенская каменная (позднее стала называться Напольной) во имя Иоанна Милостивого (1799), приписанная к соборной Владимирской церкви».

Но: «Ищите да обрящете...» Листая в Нижегородском архиве «Епархиальные ведомости» за 1890 год в поисках материалов о Пожарках, на случайно (внимательно уже не успевалось - конец рабочего дня) открытой странице – о чудо! – читаю: «Из числа сергачских старожилов духовных был священник Иоанн Иоаннович Пустынский, служивший в Сергаче дьячком, дьяконом и, наконец, священником». Оказалось, что это очерк Сергачского прихода, составленный А.Можаровским на основе летописей, хранившихся в церквях Сергача, Кладбищ, Чуфарова и Ключева, но изучить их на сей раз не было возможности. Но это уже что – то!

В музее просматриваю старые записи и, действительно, нахожу в сведениях о церковных клирах за 1817 год: «Диакон Иван Иванов, 36 лет, жена его Гликерия Степановна, 38 лет. Трезв и в должности исправен».

В имеющихся в фондах музея Духовных росписях соборной Владимирской церкви (книга, куда записывались ежегодно прихожане всех сословий) с 1811 по 1826 год тоже есть Иван Иванов, но уже священник, и жена,

мать при нем здравствуют.

В ревизской сказке (переписи по – современному) 1833 года записан при той же церкви штатный священник Иван Иванов 53 лет, но при нем уже, кроме жены, сноха, вдовая попадья Евдокия Борисовна, внук и две внучки. А где же Пустынский? Обращает на себя внимание запись имен священнослужителей: штатный священник Василий Федоров Страхов 29 лет, штатный дьякон Александр Федоров Флеров 37 лет, т.е. полностью – имя, отчество, фамилия, а там Иван Иванов и только. Почему? Просмотрены по листочкам Росписные книги, работа интересная и познавательная: найдешь знакомые фамилии – вдруг это предки по материнской линии - но Иоанна Пустынского нет. Неужели не тот?

И только в Росписных ведомостях по приходу Владимирской соборной церкви за 1848 год уже умершего священника Ивана Иванова первым в списке значится: Иван Иванов Пустынников, вдов, 62 лет.

При первой же возможности снова работа в архиве, и теперь можно рассказать сергачанам о деяниях Иоанна Пустынского, чтобы они оценили его подвижнический труд и воздали запоздалую благодарность его имени.

Вначале уточнение к уже известной дате: «В 1779 году декабря 31 дня село Сергиево или Сергачево по распоряжению Нижегородского генерал – губернатора А.А.Ступишина председателем Нижегородского Уголовного суда Белокопытовым объявлено уездным городом с наименованием «Сергач» и в нем открыть присутственные места». А далее то, о чем не было ранее известно: «Со стороны Епархиальной власти тогда же последовало распоряжение об обращении Владимирской церкви в соборную и об отводе кладбища от нее в более отдаленное место – за город...»

Кладбище было отведено в поле в полутора верстах от города. Это повергло сергачан в печальное настроение, они долго не могли смириться с мыслью о том, что их усопшие будут лежать вне церковной ограды, а на строительство церкви на новом кладбище средств не было.

Разрешить сию печальную проблему им помогла владелица села Чуфарова Анна Гавриловна Норматская. В то время на чуфаровском сельском кладбище

было две церкви со звонницей вместо колокольни, построенные довольно давно, если судить по антиминосам, выданным в 1670 году при Патриархе Иосафе, а владелица села начала в 1780 году строить каменный трехпрестольный храм. Прознав про нужду сергачан, она решила пожертвовать им одну из церквей – во имя Св. Иоанна Милостивого и Иоанна Дамаскина, чтобы они установили ее на новоотведенном кладбище, что «последними, к утешению их, и исполнено было».

С 1815 по 1820 годы в Сергаче строится, как и подобало в уездном городе, новый трехпрестольный каменный храм, причем на обжиг кирпича для него была использована пришедшая в совершенную ветхость Ильинская церковь (1737). Таким образом, в городе одновременно стали существовать два Владимиро – Сергиевских храма. Так как новый был построен в другой части города, а духовенство постепенно выстроило свои усадьбы около него, проводить им службы в старой церкви стало неудобно, особенно если учесть, что город разделял огромный овраг.

Отец Иоанн не остался равнодушным к запустелому храму, где он начинал 15 –летним дьячком и провел большую часть жизни в церковной службе, потому в свободное от службы в соборной церкви время отправлялся в древнюю церковь, куда «сходились усердные богомольцы, почитавшие ее первой святыней – святыней своих отцов и предков». С годами полузаброшенная церковь все более приходила в ветхость, но «ничто не могло остановить христианской ревности о. Иоанна»: ни перекосившиеся стены и пол, ни заклинившиеся царские ворота (он их сам подпилил для удобства), ни дальний с возрастом путь к храму, ни занятость другим важным делом во благо прихожан – он до самой смерти своей продолжал изредка совершать службу в старом храме.

Кроме ревностного отношения к церковной службе, о. Иоанн в душах и памяти сергачан оставил о себе добрую память еще и тем, что создал рукотворный памятник на века: построил в 1831 году «при усиленном своем старании» каменный храм на новоотведенном городском кладбище во имя Иоанна Милостивого, обвел его каменной стеною с караулкой у входа. Средств у горожан и в казне, как известно, не было, и о. Иоанн нашел замечательный выход! На

собственные средства он построил сарай, где наладил производство кирпича, который продавал, чтобы скопить необходимую сумму денег. Кроме того, он обращался к окрестным помещикам – благотворителям, даже к князю Грузинскому. Когда сумма оказалась достаточной, он приступил к выделке кирпича уже на сооружение храма. Прознавшие о благой затее горожане пришли на помощь: кто мял глину, кто делал кирпич, кто возил его из горна к месту постройки – «даром для Бога». Дрова на обжиг кирпича собирали по дворам, кто сколько даст, и везли «кто воз, кто два, а кто и больше на доброе христианское дело».

Иконостас простой работы был сделан местным дьячком Павлом Кузьмичом Полянским. А в 1876 году сергачский купец Егор Иванович Писарев сделал этот храм теплым, снабдил церковной утварью, ризницей и всем прочим, употребив на это более 6000 рублей, за что был награжден золотой медалью.

Такова история одного из памятников не столько православия, архитектуры, сколько духовности наших предков. Он и поныне восхищает простотой и строгой величественностью, но и вызывает сожаление о том, что потомки создававших его слишком много утратили...

Остается добавить, что о. Иоанн Пустынский умер 4 января 1848 года, похоронен был «на кладбище против алтаря созданной им церкви, над могилою поставлен памятник в виде круглого столба».

Глава 3. Всем миром.

Церковь во имя Архангела Михаила, м-н Гусево

Исстари повелось на нашей земле творить благие дела всем миром: свадьбу играть, дом ставить, радоваться рождению младенца, праздники справлять. В истории нашего края есть замечательный пример тому – возведение и восстановление каменного храма в селе Кладбищи. Деревянная, построенная в 1703 году из дубов священножертвенного леса когда – то жившей здесь языческой мордвы, прослужила сто лет и стала для села, в котором население значительно возросло, маловместительна. Но прошло еще много лет, прежде чем прихожане осознали необходимость построения нового храма и

были материально готовыми к этому. Вдохнителем и помощником кладбищенцев на четверть века стал архимандрит Мелхиседек, духовник Александро - Невской лавры. Происходя из причетнических детей Кладбищ, он имел в селе родных – брата и племянников Скамницких, служивших причетниками, а также ровесника и товарища по детству дьякона Андрея Архангельского, с которыми вел постоянную переписку. Не имея возможности посетить село, из писем узнавал о своей родине, о жизни знакомых и, конечно, о нуждах прихода. Более всего он был озабочен ветхостью и маловместительностью храма и начал "присылать свои жертвы в церковь и вещами, и деньгами", а в письмах постоянно напоминал о необходимости построения нового храма и обещал помогать прихожанам в этом благом деле. Вдохновленные такой поддержкой (а многие помнили его, знали строгую его жизнь), надеясь на его и Божию помощь, кладбищенцы в 1848 году на мирском сходе решили построить новый каменный храм на собственные от пожертвований средства. Правительство отпустило крестьянам необходимое количество деревьев из казенных рощ, окружавших село, для устройства кирпичных сараев, лесов при строительстве, обжига кирпича. Всем миром заготовили столько лесоматериала, что его хватило бы на постройку вместительного деревянного храма! Всем миром выбрали место для нового храма – на "возвышенной площади, какова места для означенной постройки ПРИЛИЧНЕЕ и УДОБНЕЕ мы во всем селе не имеем". Всем миром потом переносили дома, чтобы освободить положенную по правилам околоцерковную площадь. Всем миром собирали деньги, для чего многие прихожане сдавали в аренду принадлежащую им чрезпольную (то есть лежащую за чужими полями) землю, а деньги отдавали на построение храма. На постройку храма, колокольни и ограды было употреблено около двух миллионов кирпича и более 30 000 рублей. Нужно отдать достойную похвалу прихожанам за усердие, с которым они вели постройку церковных зданий. Приходский священник Николай Никольский и псаломщик Михаил Богородицкий были очевидцами этого усердия и свидетельствуют о нем «для подражания грядущему потомству

прихожан, пусть оно помнит своих предков, устроивших храм вместимостью до 5000 человек и не оставляя лона церкви, усердствует своими жертвами к поддержанию благолепия храма внутри и извне". Старую деревянную церковь за ненадобностью передали вместе с утварью крестьянам деревни Новой, «давшим обет построить храм в предотвращение гнева Божия, ниспосылаемого в градобитиях». Освящен храм был в 1859 году.

Необходимо назвать имена людей, внесших конкретный вклад в это благое дело.

Григорий Белов, мастер - крестьянин Балахнинского уезда, который довел кладку храма до купола. Иван Никифоров, мастер - крестьянин Арзамасского уезда, завершивший кирпичные работы. Иван Панкратов, резчик по дереву, изготовивший и установивший на место в 1861 году иконостас. А.Я.Гасилина, крестьянская жена, чьим усердием и трудами на собственные средства от трудовых сбережений в 70-х годах были сделаны фольгою ризы на иконах нижнего яруса иконостаса. Николай Никольский, священник, чьей заботливостью в 1876 году произведена внутренняя окраска церкви и стенная живопись мастерами города Арзамаса на добротные пожертвования зажиточных крестьян (до 1000 рублей). Из частных пожертвователей достоин упоминания Дмитрий Николаевич Полознов: от него церковь имела серебро - позолоченный потир с прибором, паникадило, семисвечник к святому престолу и резной киот на тумбе. От архимандрита Мелхиседека - Евангелие на престольное, обложенное серебром с позолотой и французскими стразами и икону Святого Архистратига Михаила высокой художественной работы. (Где сейчас все это?!) Священник Петр Князев и его сестра Анна положили на вечное хранение капитал в 350 рублей. Из него на 150 рублей поступали проценты в пользу церкви, а на 200 рублей – в пользу причта. Капитал этот обязывал причт приносить бескровную жертву о вкладчиках и их родных до скончания века. Благое мирское дело завершилось возведением величественного храма, одного из лучших в округе, поражающего своей архитектурой и величием, признанного Владыкою Иоанникием ,

посетившим Кладбищи в 1875 году, "ВЕЛИКОЛЕПНЫМ".

В 1904 году в приходе проживало 1558 мужчин и 1756 женщин, все православного вероисповедания. Иерей – Александр Николаевич Никольский, 22 лет, окончил семинарию, в приходе с 1903 года; дьяк – Н.М. Цедров, 34 лет; псаломщик – М.И.Зефирюк, 28 лет; заштатный протоиерей – Н.Г.Никольский, 66 лет; церковный староста – Г.Г.Лакеев. Есть земская школа.

Это великолепие, не прослужив и столетия, стало не нужно потомкам возводивших его. Это их, отлученных от церкви, беда. Но настало время собирать камни, и теперь уже в гусевском мире вызрело желание восстановить поруганную церковь. В 1989 году инициативная группа жителей микрорайона Гусево организовала религиозное общество Русской православной церкви, которое было зарегистрировано в Сергаче и Совете по делам религий при Совете Министров СССР. В пользование верующих было передано здание церкви. В исполнительный орган этого общества вошли: Владимирова Н.С. – председатель, Силов М.И. – помощник председателя, Сигачева Н.И. – казначей, Лаврушина А.Н., Мартынова А.Е., Радостин В.М. – члены ревизионной комиссии. И закипела работа в самом прямом смысле этого слова: храм был восстановлен за год! И тоже всем миром! Возглавила сбор средств и организацию ремонтных работ Владимирова Нина Сергеевна, получившая благословение от митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая. Истинно верующий, энергичный, оптимистично настроенный человек, умеющий разбираться в людях и найти для каждого убедительные слова, она сумела наладить взаимоотношения со многими руководителями города и района, откликнувшимися на ее просьбы о помощи. Особая благодарность осталась в памяти прихожан о вкладе в восстановительные работы председателя колхоза "Серп и молот" Шаганова Николая Ивановича: им было перечислено на счет 25000 рублей, нанята бригада строителей, выделены и привезены трубы для отвода воды, с его помощью найден и привезен колокол из Пильненского района. Там его отдали бесплатно. Может, это вспомнилось во времени пожертвование старой деревянной церкви? Никогда не отказывал в

просьбах руководитель районной сельхозтехники Адушев Н.Ф. Помимо денежного вноса, он организовал закупку, транспортировку труб для сооружения купола, предоставлял транспорт при перевозке необходимого материала. Директор хлебоприемного пункта Лакеев Н.А. не остановился на денежном взносе, помог с пиломатериалом для обшивки купола. Сатаев А.А., директор ЖБК, выделил бетонные лестницы, машины, подъемник для их установки. Денежные взносы на счет религиозного общества поступили от организаций: ДРСУ (директор Фырнин В.И.), депо (Доронин В.), райпо (Хамзин Л.Х.), межрайбазы (Мартынов С.М.), СЭМЗа (Ростов Ю.Б.), сельхозхимии (Семенов В.Е.), промкомбината (Коновалов В.П.) и колхозов: "Друг рабочего" (Королев Н.Г.), "Победа"(Малеев В.Н.), "Памяти трех коммунаров"(Сорокин Г.И.), "Луговской" (Карманов Н.Н.).Всего от населения и организаций поступило свыше 80 тысяч рублей.Храм восстановлен и служит людям. Не утратить бы будущим поколениям это устоявшееся в веках – ВСЕМ МИРОМ...

Глава 4 Ильинская церковь, м-н Ключево .

Из архивного дела «Сведения о церквях и церковных клирах» за 1817 год узнаем о ключевских храмах и священнослужителях. «Села Ключева первая Ильинская церковь деревянная, беспридельная, стенами довольно твердая, по штату двуклирная, построена в 1700 году. При ней мужеска пола прихожан: военных 20, казенных крестьян 806, в д. Мокрый Майдан военных 14, казенных крестьян 264, всего 1104 души». В селе 276 дворов. «Благолепием иконостаса, ризницею и прочею утварию удовольствована весьма не худо». При ней пашенной, селидебной и усадебной земли 33 десятины, которая вся обмежевана. Церковная сумма хранится в церкви, расходов непозволительных нет. Метрические книги и духовные росписи хранятся за 15 лет.

Вторая церковь Космодамианская (так в документе) стенами и крышей очень твердая. Построена в 1778 году. Священник Александр Иванов 29 лет, его жена и двое детей, состояния хорошего; священник Иоанн Алексеев 46 лет, его жена, состояния хорошего; дьякон Алексей Иванов 49 лет, его жена, сын

Николай 18 лет учится в семинарии, Василий 12 лет «бучается Псалтири» на дому; дьячок Степан Илларионов 53 лет, его жена и трое детей, Терентий 14 лет учится в семинарии, Александр 8 лет учит Часослов; дьячок Андрей Яковлев 23 лет, его жена и сын; пономарь Герасим Иванов 40 лет, его жена и 6 дочерей – все последние состояния нехудого; указный пономарь Иосиф Матвеев 11 лет, при нем мать и сестры.

На плане около церковных земель 1819 года обозначены разные здания, расположенные вокруг храмов. Их в тот год было два – во имя пророка Илии и Козьмодемьянский, оба без приделов. На порядке ниже храмов дома обывателей и в центре священнослужителей, на некотором расстоянии от них питейный дом. Слева от храмов полукругом располагались амбары крестьян, а напротив них бани. Напротив алтаря Козьмодемьянской церкви на расстоянии 22 сажени волостное правление, выше него кельи вдов и солдаток. Много амбаров с правой стороны. Амбар дьячка Осипа Матвеева и священника. Подписи под чертежом поставили: священник Андрей Яковлев, дьячок Степан Ларионов, пономарь Герасим Иванов, указной пономарь Иосиф Матвеев, вместо церковного старосты, «не понимающего грамоты», писарь волостного правления Василий Шибков.

В 1833 году в селе проживало в 310 дворах 1243 мужчин и 1247 женщин. В Ильинской церкви два причта: священник Михаил Иванов 36 лет, дьякон Федор Васильев 27 лет, дьячок Иван Степанов 31, дьячок Александр Степанов 25, пономарь Иван Иванов 20.

Приложение 1

Никольская церковь села Пожарки

Эта церковь - одна из красивейших в округе по своей архитектуре и истории. Известно, что еще в 1749 году прихожане села Пожарки Алатырского уезда владения флигель – адъютанта князя П.В.Урусова просили Епархиальное начальство о разрешении построить новую церковь взамен пришедшей в ветхость и холодной старой, а также о разрешении сбора денег на покупку колокола. А поскольку известно, что деревянные церкви, особенно холодные, служат 100 – 120 лет, значит, уже в 1649 году в селе был храм. В 1743 году Епархиальное начальство «вразумляло» пожарского священника Климентьева на предмет насильственного надевания крестов на татар Ендовищ и притеснения окрестной мордвы. Из документов, хранившихся при храме, и по воспоминаниям старожилов середины XIX века храм, сгоревший вместе с селом в 1816 году, был построен «тщанием прихожан» в 1782 году во имя Святителя и Чудотворца Николая. По ревизским сказкам (переписи) этого года в селе проживало 543 мужчины и 562 женщины.

В 1816 году пожарский священник Петр Михайлов подает в Духовную консисторию сведения о клире. Новая каменная церковь еще не строится, в приходе 10 военных, 667 помещичьих крестьян, всего вместе с новокрещенными из татарских сел 753 души. Утварь и ризница после пожара осталась очень порченная. Земли пашенной отмежевано 30 десятин, селидебной, усадебной и сенокосной отмежеванной нет. Священник Петр Михайлов, 25 лет, жена его и три дочери; дьякон Иван Трофимов и жена его 60 лет, здоров, но к должности не исправен; дьячок Михаил Васильев, 23 лет, его жена и сын, поведения хорошего; пономарь Егор Афанасьев, 17 лет, поведения хорошего, жена его 19 лет. Все священноцерковнослужители близкого родства не имеют. В графе как живет с причтом пишет: «Не согласен». Прихожане недовольны, потому что в том году, не взирая на их долгое упорство, было отведено положенное количество пашенной земли, а причт еще настоятельно требует удовлетворения в усадебной и сенокосной земле.

В начале XIX века село принадлежало действительному тайному советнику и кавалеру князю С.М. Голицыну и его жене Авдотье Ивановне, урожденной Измайловой. Ее – то усердием и был построен новый каменный храм, доселе стоящий в селе. Но этому предшествовала долгая история.

В 1820 году княгиня из Санкт – Петербурга пишет прошение Епископу Нижегородскому и Арзамасскому Моисею: «Имея обязанность пещись о благосостоянии крестьян моих, я первым долгом моим поставлю просить Ваше Преосвященство об исходатайствовании мне позволения соорудить церковь в деревянном господском доме в означенном селе Пожарки до того времени, пока крестьяне мои не в состоянии будут соорудить у себя приходскую каменную церковь». Дело в том, что пожарские крестьяне на долгое время были отлучены от исполнения церковных треб в связи с отдаленностью от других приходов, особенно во время разлива Пьяны. Епархиальное руководство не могло решить этот вопрос без разрешения Святейшего Синода. Оттуда приходит Указ о вызове благочинного и управляющего княгини для дачи показаний о побудительных причинах к устройению домово́й церкви.

Благочинный села Пожарок Петр Михайлов и помещицы княгини Голицыной бурмистр крестьянин Михаил Григорьев объяснили: « ...домовая церковь впредь до выстроения каменной необходимо нужна потому, что 1) хотя от онаго села Пожарок город Сергач отстоит расстоянием в четырех верстах, но как между оными Сергачом и Пожарками течет река, называемая Пьяною, от наводнения которой во время весеннего времени бывает обширное разлитие воды не менее как версты на три и продолжается более шести недель...пожарские жители во время оно́го претерпевают великую нужду...во всю святую Пасху и прочие праздники лишаются слушания Божественной Литургии и Слова Божьего; 2) оно́е село с другой стороны окружается татарскими деревнями, из числа коих в семи деревнях имеют жительство новокрещенные татары, которые состоят в Пожарском приходе, но как нет в оно́м селе Пожарках церкви пятой уже год, отчего новокрещенные в церковь для слушания Слова Божьего не ходят, 3) к устройению домово́й церкви две

способных палаты имеются деревянных, из которых в первой хранится церковное имущество, а вторая потребна к священослужению, убранство имеется в довольстве».

В 1820 году благочинный Пожарок Петр Михайлов посылает Епископу Моисею рапорт о препятствиях, чинимых помещиками и их управляющими при избрании церковных старост. Они стараются с пользой для господ, а не для церкви выбирать на должность старост «людей не совсем таковых, каких требует она». А если священноцерковнослужители не согласны с таким выбором, то чинят им «нередко притеснения и угрозы, а иногда и напрасные представления». К рапорту приложено письмо господина Кашкарова к большеандосовскому священнику, который на последних выборах был не согласен с представленной крестьянами кандидатурой. Через месяц пришла из Духовной консистории резолюция Его Преосвященства: «...благочинный не в свое дело входит и не благоразумно, чтобы помещик в прилагаемом при сем письме писал справедливо, а напротив причт часто в сем деле входит при неблагонамеренности». В том же году по просьбе поверенного княгини Голицыной Ивана Воронина ведется переписка о взыскании денег по поручительству за невыполнение контракта по строительству церкви. В феврале 1821 года от Епископа Моисея в Синод отправляется рапорт, из которого узнаем, что в Пожарском приходе 733 души, которые не могут нести значительные затраты на строительство храма, поэтому он предлагает вести строительство в течение шести лет при условии сбора с крестьян и добродетельных дателей в год по 2000 рублей, если при том «и сама госпожа Голицына своим личным пособием умножит сию сумму». Исходя из вышеизложенного просит разрешить устроить «в одной из палат домовую церковь с подвижным Антиминсом для священнослужения и исправления мирских треб» с тем, однако, чтобы церковь эта существовала не дольше шести лет, пока не будет построена каменная. В 1827 году разрешается оставить домовую церковь еще на 3 года, а 3500р. на строительство новой оставить на хранение в Духовной консистории.

А новый храм, который мы и сейчас имеем возможность видеть, в котором слышим Слово Божие, в котором сохранились на куполе старинные бесценные фрески, сооружался в течение 14 лет на средства княгини. В 1835 году он был освящен с благословения Епископа Иоанна во имя святителя и Чудотворца Николая, как и старый деревянный. Храм красивый по архитектуре, особенностью его является то, что он освещается через окна в купольной конструкции. Особым украшением и утварью он не был богат, но зато хранил в себе священную драгоценность - часть кости св. Иоанна Крестителя, принесенную в дар церкви княгиней Голицыной; перед этой святыней служилось очень много молебнов не только для пожарских прихожан, но и для жителей соседних сел и деревень. До сих пор в селе среди старожилков бытуют воспоминания об этой реликвии и надежда на то, что она сохранилась и помогает пожарцам в их благих делах.

В Метрической книге Никольской церкви за 1865 год отмечен причт: священник Иоанн Флеров, дьякон Николай Любский, дьячок Иван Ильинский, пономарь Алексей Полиарский, у священника сын Константин. Причта до реформы 1869 года был полный штат, после нее только священник и псаломщик, в 1892 году восстановлено дьяконское место. Причт (священник Михаил Архангельский, дьякон Егор Кудрявцев, псаломщик Павел Милославский, причетник Иван Ильинский) в 1892 году получает содержание от церковной земли, сдаваемой в аренду, до 400р. в год и 246р. с прихожан с 1871 года взамен прежде существовавших хлебных сборов. Дома у священнослужителей собственные. В состав Пожарского прихода еще входили приписные крестьяне. Проживавшие в татарской деревне Семеновской (30 душ), «вывезенные из симбирской губернии Е.Я.Березиной, которая имела в ней небольшое имение, коим наделила своих крепостных крестьян», а также новокрещенные из татар «деревень Кр.Яра, Трех.Озер, Уразовки и Пошатовой – всего в количестве 243 душ». В 1866 году они от христианства отпали. В тот год в селе было 8 раскольников Спасова согласия. Раскол появился в Пожарках в середине XIX века из заволжских краев, куда отправлялись многие из

крестьян красить пряжу. Число их не увеличивалось, скорее уменьшалось, особенно после того, как один из самых рьяных раскольников Иван Авдеев обратился в православие.

С нравственной стороны прихожане особенных пороков, суеверий и предрассудков не имеют. Духовенство обучает грамоте постоянно до 10 человек.

В 1869 году коллежский секретарь А.С.Коробкин написал «Очерк села Пожарок», откуда можно узнать интересные бытовые подробности жизни пожарцев, в частности о свадьбах. Браки заключались по достижении молодыми узаконенного возраста, но и более ранние весьма нередки. Свадьбы обычно бывают между «госпожинками» и «филипповками» (с половины августа до половины ноября), а также между Крещением и Масленицей. «Брак всегда основан на одних обоюдных расчетах, и сердечное расположение здесь вовсе не имеет места». От первых разговоров до сватовства проходит чаще несколько дней, чтобы заготовить брагу и платье. Невеста идет в церковь с покрытым платком лицом и стоит так во время венчания. После него «новобрачную в церкви бабят, т.е. надевают ей на голову волосник или кичку, и повязывают платком по принятому замужними женщинами обычаю, с этой минуты волосы новобрачной - тайна для постороннего мужского глаза». На подводе к церкви привозят короба с приданым. Потом начинается пир на всю ночь, гости на нем назывались «горными». Пожарские невесты считались завидными: красавицы да и довольно состоятельны. В Метрической книге Пожарской церкви за 1865 год находим запись в разделе «О брачующихся»: «Села Пожарок временнообязанный графа Воронцова – Дашкова крестьянин Иван Иванов Курюмов православного вероисповедания первым браком, 17 лет, невеста девица Стефанида Тимофеева Полуектова, дочь временнообязанного крестьянина, православного вероисповедания, 14 лет. Поручители со стороны жениха: с. Пожарки крестьяне: Степан Денисов, Василий Иванов, Дмитрий Ситнов, по невесте: Иван Тимофеев, Федосья и Мария Карасевы». Таинство свершал дьякон Стефан Багрянский.

В той же Метрической книге за 1883год есть письмо с печатью Сергачской соборной церкви, присланное в Никольскую церковь протоиереем Н.Рачинским с просьбой уведомить о девице , дочери крестьянина Филиппа Потапова Агриппине, «в котором году она родилась, была ли ...у Исповеди и Св. Причастия, здорового ли ума, с согласия ли своих родителей вступает в брак с прихожанином г. Сергача крестьянским сыном Василием Панкратовым», кто будет поручителями.

Младенцы рождались обычно в бане при помощи местных повитух. Крещение производилось в церкви в любую погоду, имя нарекал священник по Святцам или своему усмотрению. Местный храмовый праздник – Николин день – «проводился в гулянье и истреблении браги и вина, продолжительность праздника обуславливается количеством заготовленного пойла». В 1885 году вот сколько стоила бедная сельская свадьба: отцу невесты кладка за нее – 17р., ведро водки – 4р.70к., пуд говядины – 1р.50к., пуд пшеничной муки 2 сорта – 2р.10к., овчин на шубу невесте – 9р.; на жениха израсходовано 20р., водки – 3 ведра 14р.10к., пива 7 пудов – 8р., простого вина $\frac{3}{4}$ ведра -3р.50к., говядины 4 пуда – 6р., муки двух сортов 5 пудов – 10р.50к. За венчание 4 рубля.

Николаевский храм в разное время посещали нижегородские Архипастыри: Иаков, Иеремия, Антоний, Иоаникий. В 1855 году Иеремия, обзревая Епархию, после освящения Дамаскинской церкви в Сергаче осмотрел и Пожарский храм, очень ему понравившийся, однако, обратив внимание на обветшалую ограду, «сделал строгий выговор прихожанам за такое нерачение». Потом он изъявил желание побывать в татарском селе Кочки – Пожарки, где посетил мечеть и собственноручно оделил бедных татар деньгами. Антоний останавливался в доме священника Иоанна Флерова, с которым долго беседовал о прихожанах и, главным образом, о новокрещенных татарах. В 1875 году предупрежденные о приезде Владыки Иоанникия прихожане задолго до его приезда вышли навстречу за село, а когда экипаж поравнялся с ними, все пали на колени, чем заслужили его особое внимание.

Более 20 лет существовал при храме хор певчих, организованный

детьми священника Флерова. Певчие пели на оба клироса и многие из них хорошо знали церковный устав.

В 1901 году по указанию Духовной консистории было составлено описание церковного имущества Никольской церкви, сохранившееся донныне в Центральном архиве Нижегородской области, из него – то и можно узнать некоторые подробности, чтобы отдаленно представить, каким был храм в начале прошлого века. Как и сейчас, он был оштукатурен внутри и снаружи, купол и кровля покрыты железом и покрашены медянкой, в алтаре 3 зарешеченных окна, в куполе – 9 без решеток, но с проволочными сетками. Стоимость храма с колокольной составляла 10.000 рублей. На колокольне было 7 колоколов разного размера, самый большой весил 2604 кг, самый маленький – 122.

В святом Алтаре было большое Евангелие в золотом обресе, облаченное медными чеканной работы позолоченными деками, на лицевой стороне средник и четыре Евангелиста тоже чеканной работы. Напрестольный крест серебряный позолоченный, с четырьмя финифтьевыми клеймами, в середине изображение распятия тоже на финифти, весил 900, 7 грамма. Сосуды жертвенника: потир серебряный, позолоченный, при нем дискос со звездицей, 2 блюдца, лжица и ковшик тоже серебряные; потир серебряный чеканной работы в серебряной сетке. На горнем месте образ Господа Вседержителя (75, 4 X 53, 25 см), справа от горнего места образ Благовещения Пресвятой Богородицы (196, 5 X 88, 75 см), на нем серебряная риза, перед ним посеребренная лампада. По правую сторону горнего места находилась Плащаница – полубархатная малинового цвета с надлежащими изображениями на финифти и украшениями мишурной работы.

Иконостас столярной работы с шестью колоннами и резьбой, окрашенными вишневым кармином и вызолочены. Справа от царских врат образ Спасителя в медной посеребренной ризе чеканной работы (146,4 X 79,8 см), перед ним большая медная посеребренная лампада. На южной в алтарь двери образ Св. Николая Чудотворца в медной чеканной работы посеребренной

ризе (146,4 X 79,8 см), перед ним медная позолоченная лампада.

В храме было много образов Божией Матери, именуемых в народе: « Тихвинская», « Феодоровская», « Всех скорбящих радость», « Достойно», « Не рыдай мене матери», « Живоносный источник», « Нечаянная радость», « Спроручница грешных», « Троеручица».

Ковры в алтаре персидской работы. Паникадило медное посеребренное, стоимостью 250 рублей. В библиотеке хранилась Библия, напечатанная в Москве в 1663 году, Псалтырь (1776), Апостол (1794), Требник малый (1828), Каноник (1841).

Сведения о причте Никольской церкви за 1904 год из «Адрес – календаря Нижегородской Епархии»: иерей Михаил Павлович Архангельский, 39 лет, окончил семинарию, в приходе с 1886 года, имеет скуфью(1903), законоучитель; дьяк С.И.Руновский, 49 лет, в приходе с 1892 года; псаломщик П.М.Милославский, 35 лет; церковный староста с 1892 года В.Ф.Тютин.

Храм был закрыт в 1935, по другим сведениям – в 1937 году, долгое время пустовал, разрушаясь, в послевоенные годы колхоз устроил в нем склад. Иконы и утварь исчезли, паникадило сдано во вторчермет.

В 1990 – 93 годах стараниями жителей села и их родственников, уехавших в разные города, а также с помощью колхоза « Красная нива», элеватора, промкомбината « Феникс», завода ЖБИ, асфальтного завода, Кочко – Пожарского ремзавода, воинской части и других организаций храм был восстановлен и служит людям, хотя в последнее время ждет от всех нас помощи. Так неужели не хватит у нас, потомков возводивших такую красоту, как раньше говорили, «охоты и непринуждения к пожертвованиям» на ее поддержание в достойном виде?!

Приложение 2

Никольская церковь с. Лопатино.

Существующее село Лопатино получило название по преемственности от селения, которое существовало до половины XVIII века, и его история неразрывно связана с прежним Лопатином, где тоже был храм, а приход составляли, кроме села, деревни – Орловка, Нестеровка, Починок. Об исчезновении старого Лопатина рассказывают следующее: оно с приходскими деревнями принадлежало помещице Ромадановской (в ее владении находилось и Ветошкино), но после убийства ветошкинцами управляющего и угроз в ее адрес она продала своих крестьян казне на оренбургские чугунно – литейные заводы. И ушли крестьяне в дальний край, забрав детей, скот, домашний скарб. Опустели не только дома, но и церковь, т.к. прихожане при последнем посещении родного храма захватили с собой в дорожные сумы кто что мог. Священник догнал крестьян и упросил отдать что –нибудь из церковного имущества, но получил одни лишь сосуды.

Дальнейшая судьба Лопатина связана с новыми владельцами, купившими у госпожи Ромадановской пустопорожние земли, а крестьян, которых водворили каждый в своей части, покупали в разных местах – Обрезков, Ермолов, Остафьев и их наследники.

После того, как новые владельцы обустроили приобретенные земли, Обрезков женился на дочери Ермолова и в приданое ей получил принадлежавшие Ермолову земли и крестьян, так что Обрезкову стало принадлежать две части села.

В ревизских сказках (переписи населения) 1782 года означено, что Лопатино принадлежало покойному капитан – поручику лейб – гвардии Василию Ивановичу Брехову, его вдове и дочери, в селе проживало 180 мужчин и 186 женщин. Часть села принадлежала сержанту лейб – гвардии Семеновского полка Петру Андреевичу Остафьеву, в его владении было 48 мужчин и 40 женщин.

В 1788 году двумя частями Лопатина владела Анна Федоровна

Обрезкова (дочь Ермолова), одной частью – прапорщик Андрей Петрович Остафьев. После смерти Анны Федоровны ее владение наследовал сын генерал – аншеф Александр Васильевич Обрезков, после его сын Петр, который в 1842 году продал землю и крестьян Екатерине Петровне Толстой, дочери секунд – майора Петра Андреевича Остафьева, таким образом Лопатино сделалось владением одной помещицы. В 1845 году она отдала лопатинские земли и крестьян в приданое за дочерью Александрой Павловной, вышедшей замуж за князя Ивана Михайловича Вадбольского, тот в свою очередь отдал за своей дочерью Бакашину, который продал княгининскому купцу Караванову, который стал последним владельцем села.

В год освобождения крестьян из крепостной зависимости А.П. Вадбольская уступила крестьянам в надел лучшие земельные угодья по выбору самих крестьян.

Приходская деревня Еропкино при речке Иваше расположена была в два порядка, один из которых – Кушниковский – принадлежал раньше роду Болтиных, а потом перешел в род Кушниковых; другой – Григоровский – с 1788 года принадлежал Алексею и Елене Скрипицыным, а в 1820 – х продан генералу Петру Богдановичу Григорову, в чьем владении оставался до освобождения крестьян.

Лопатинский починок в начале XIX века принадлежал братьям – помещикам Петру, Гаврилу, Алексею, Михаилу Алексеевичам Кошкаровым, но Петр выкупил доли у братьев и передал починок в безраздельное владение своему внебрачному сыну Мемнону Петровичу Щербакову. В 1891 году им владела В.П.Кикина.

Лопатинский выселок Онучино возник в 1846 году. Князь Иван Михайлович Вадбольский, получив в приданое от Е.П.Толстой за ее дочерью Александрой Павловной, кроме Лопатина, еще имение Онучино Ардатовского уезда, продал его, а бедняков – бобылей переселил в Лопатинский выселок Онучино, куда одновременно были переселены из Лопатина крестьяне с Поповского порядка в связи с освобождением церковной земли для постройки

домов причта.

Известны случаи побегов крестьян от своих хозяев. В 1801 году были обнаружены двое беглых крестьян из Лопатина, владельцем которого в тот год был господин Обрезков. В январе в хуторе Филоновской станицы полковым писарем Зубриловым был задержан и препровожден в Арзамасский уездный суд для «поступления с ним по закону» крестьянин помещика Обрезкова села Лопатина Степан Козмин, бежавший 10 лет назад, все это время он находился на разных хуторах Войска Донского. Что с ним случилось, неизвестно, скорее всего вернули пред очи помещика. При допросе в Васильском уездном суде в феврале, куда был доставлен другой беглец, он рассказал о себе следующее: зовут его Исаем Ивановым, сколько ему лет, не помнит, выходец из Нижегородской губернии Сергачской округи села Лопатина, где живут его отец Иван Романов и мать Матрена Савельева, бежал от помещика 12 лет назад. Маршруты его странствий за это время таковы: 3 года на винокуренном заводе в Тамбовской губернии, 3 года в Саратовской губернии, далее в Войске Донском - два с половиной года в слободе генерал – майора Коздеева Поляевке, три года у генерала от кавалерии графа Денисова, остальное время по разным хуторам войска. Взят был «за бесписьменность», т.е. за отсутствие вида на жительство. Когда было предложено вернуть Исаю на место жительства, за него заступился войсковой начальник Михеев, сказав, что он не из Лопатина, а рекрут из Саратовской губернии, Исай согласился с этим и был таков... В документе за 1797 год описан такой случай: при проезде по проселочной дороге на Лопатино дочерей статского советника Нечаева мост на реке Пьяне «частью от сильной тяжести экипажа, частью от неосторожного въезда» подломился, и одна из девушек утонула в Пьяне. Случай получил широкую огласку, нашлись и виновные: «заседатели нижнего земского суда были отрешены от должности за то, что занимались исправлением больших дорог, но не должны были упускать из виду и малых дорог».

В период формирования Нижегородского ополчения в 1812 году из вотчины генерала от кавалерии Александра Васильевича Обрезкова села

Лопатина с 200 ревизских душ отправились ратники: дворовые люди – Козьма Петров 30 лет от роду, Степан Козьмин 38, Федот Фетисов 25, Иван Иванов 40, Феклист Яковлев 32, Яков Самсонов 20; крестьяне – Гаврила Гаврилов 38, Симеон Васильев 39. А из вотчины генерал – майора Петра Андреевича Остафьева с 75 душ 3 ратника: Иван Иванов 22 лет, Денис Андреев 36, Тимофей Яковлев 28. Все ратники при соответствующем обмундировании и с пиками.

На чертеже околоцерковных земель, составленном в 1819 году, на восток от церкви обозначен порядок обывателей, на котором находились дома священноцерковнослужителей, поскольку им не была отведена положенная для них пропорция земли, перед ним амбары, на запад – дом П.А. Остафьева, тоже стоящий на обывательской земле, на юг – дома Обрезковых и дворовое строение. Питейный дом с ледником рядом находились на расстоянии в 22 и 25 сажень от церкви, потому «...во время бываемых торгов даже слышны песни и слова, не совместные не токмо девическому, но и мужскому слуху», поэтому было рекомендовано перенести питейный дом на юго – запад по улице между господскими домами ближе к торгу. Причт того времени составляли: священник Александр Федоров, дьякон Иван Андреев, дьячок Иван Васильев, пономарь Василий Борисов, церковный староста – Степан Иванов.

Интересна история Лопатинского храма, единственного в сергачской округе не прекращавшего служить людям.

Новые жители села воспользовались запустелым храмом, оставленным прежними лопатинцами, он служил им до 1795 года. Когда и кем он был выстроен, теперь уже не узнать, сгорел ли, сломан ли был за ветхостью, неизвестно, но сохранились к 1891 году четыре огромных камня, которые лежали, по свидетельству тогдашних старожилов, на месте его престола. (Сохранились ли они сейчас?)

В 1795 году с благословения Епископа нижегородского и Алатырского Вениамина 11 построен владельцами Лопатина генерал – аншефом Александром Васильевичем Обрезковым и полковником Петром Андреевичем Остафевым новый храм и тогда же освящен в прежнее наименование

Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского.

Колокольни при нем не было до 1825 года, четыре колокола висели на столбах; в том году помещики Обрезков и Остафьев обили церковь тесом, перекрыли кровлю и поставили колокольню «вышиной 18 аршин» (около 13 метров).

В 1840 году храм подвергся удару молнии. Это произошло после вечерни накануне праздника «Усекновения главы честнаго и славного Пророка и Предтечи и Крестителя Господня Иоанна», когда многим говельщикам читались молитвы перед исповедью. Сорвав крышу с главы и купола, молния ударила в напрестольный крест, лежавший на аналое среди церкви, прошла по длине креста, устремилась на правый клирос, задела стоявшего там набожного еропкинского старичка, не причинив ему вреда, пробила стекла и исчезла. Крест этот был привезен в день случившегося с Нижегородской Макарьевской ярмарки вместе с потиром. В связи с этим случаем много раз приезжала в село духовная и светская власть, даже взвешивала крест, чтобы узнать, «сколько от него убыло после удара молнии».

В 1846 году храм снова обит тесом, главы и купола обиты листовым железом и выкрашены на средства помещицы А.П.Вадбольской.

Далее обустройством храма занимается владелец Лопатинского починка штабс – капитан Мемнон Петрович Щербаков. Так с благословения Преосвященнейшего Антония в 1859 году он утеплил храм, устроив внутри ниже купола потолок, обшив кошмами и выштукатурил стены, установив три печи – одну в алтаре и две в трапезе. В то же время арзамасские резчики вырезали и позолотили иконостас. В нем «иконы в серебропозлащенных ризах за стеклами, устроенных заботами и иждивением того же Щербакова» и его жены Екатерины Егоровны. Им же куплены на собственные средства серебропозлащенный Ковчег и большой колокол весом 60 пудов и 5 фунтов. Во время подведения фундамента под церковь в 1859 году она, по неопытности мастера, несколько наклонилась на правый южный бок, М.П.Щербаков предлагал прихожанам построить новый храм, но они вместе со священником

отклонили его предложение. (М.П.Щербаков, благотворитель Лопатинского храма, религиозный и набожный при жизни, был погребен при храме).

После освобождения крестьян в 1861 году владельцы села «оставили свои попечения о местном храме», а крестьяне, действовавшие всегда по воле помещиков и не принимавшие активного участия в судьбе храма по своему почину, с наступлением воли «не скоро освоились со своим положением правовых членов прихода», потому церковь с каждым годом все более грозила падением.

При посещении Лопатина 9 июля 1881 года Епископ Нижегородский Макарий, осматривая храм, нашел его в опасном положении: сильно покочнувшимся, двери и окна покосились, пол провалился в некоторых местах из – за гнилости балок. Он объяснил собравшимся прихожанам, что вынужден будет дать указание запечатать храм, если лопатинцы не позаботятся о перестройке его или постройке нового.

Это властное решение случилось при священнике Михаиле Троицком, прослужившем к тому времени всего четыре месяца. Как бы ни было трудно отцу Михаилу, он со всей молодой энергией принялся за обсуждение с лучшими из прихожан вопроса о храме. После долгих рассуждений они 13 августа 1881 года составили четыре приговора, т.е. постановления: «Первый о том, что за невозможностью поправить настоящий ветхий храм они желают строить новый каменный; второй о том, что ...без всякого ограничения прав уполномачивают по постройке храма крестьян села Лопатина Ивана Панкратова, Ивана Солдатов, Андрея Тимофеева; третий о том, что прихожане обязуются представлять денег на постройку храма столько, сколько потребуют уполномоченные, а на первый раз на начало дела по рублю с ревизской души; четвертый о том, что обязуются представлять бесплатно на подвозку всех материалов при постройке подводы».

В конце приговоров написали, что «обязуются соблюдать и исполнять эти приговоры свято и нерушимо».

31 августа 1881 года отец Михаил с уполномоченным Панкратовым и

местным благочинным представили приговоры вместе с прошением о дозволении начать строительство храма Епископу Макарию, получив сначала словесное разрешение, а потом и Указ от 21 сентября 1881 года.

Написать проект и оформить его перед строительным отделением взялся за 250 рублей архитектор Нейман к 15 декабря 1881 года. В октябре он осмотрел грунт под основание храма, заслуживший его одобрение. К сроку принятого обязательства он не выполнил. Невзирая на это обстоятельство, уполномоченные, чтобы не упустить время для найма опытного мастера, 4 февраля 1882 года «заподрядили подрядчика Якова Васильева Войнова бить кирпич и класть самый храм».

Весной они выстроили три кирпичных сарая, рабочую избу и калильную яму вместительностью 20 тысяч кирпичей. За лето Войновым набито до 200000 штук кирпича. На этом дело и остановилось: архитектор Нейман уехал на службу в Полтаву. Крестьяне доложили уполномоченному, что не могут выполнить третий приговор (был неурожайный год, а еропкинцы отказались даже от душевого рубля). Остановилось, но не закончилось. Продолжение примет неожиданный оборот.

Вспомним, что в приговоре от 13 августа 1881 года лопатинцы обязались соблюдать и «исполнять приговоры свято и нерушимо». Они посылают в Полтаву к архитектору Нейману запрос о проекте; тот отвечает, что передал написанный проект г. Станкевичу, последний не взял на себя ответственности за утверждение проекта. 12 марта 1883 подрядчик Ванеев из – за остановки строительных работ просит с уполномоченных неустойку в размере 200 рублей. Оказавшись в таком положении, отец Михаил вместе с уполномоченными ищет источник средств на построение храма и находит: 700 рублей взимать за арендуемые у Лопатинского общества заведения и 500 единовременно взять у арендатора.

Лето 1884 года выдалось урожайным, потому по окончании страды отец Михаил и в праздники, и в будни, и в храме, и на сходах стал уговаривать прихожан заготовить камней бутовых и извести, чтобы весной 1884 года

завершить закладку храма. К нему на помощь пришел 30 октября 1884 года благочинный и в продолжение 9 часов на сходе убеждал лопатинцев «не отступать от святого дела». И тут выяснилось совершенно неожиданное: мнения крестьян относительно строительства разошлись настолько, что об этом пришлось сообщить в Епархию. Одни считали, что нужно строить каменный храм, другие – деревянный, третьи - починить старый, а большинство заявило, что «и старый еще здоров и простоит еще 5 лет». Из Духовной Консистории от 5 марта 1885 года пришел Указ «О приведении в исполнение закладки каменного храма». Лопатинцы не только не захотели слушать благочинного, приехавшего в село, чтобы ознакомить их с Указом, но и знать самого Указа.

Это непослушание случилось во время Великого Поста; потрясенный благочинный доносит об этом в Епархию. Оттуда 6 июля приходит новый Указ: «...в устранение могущих быть несчастий от разрушения церкви запечатать оную, а лопатинских прихожан на время причислить к Абаимовской церкви с тем, чтобы служение в оной проводилось поочередно лопатинским и абаимовским причтом...»

21 июля по предписанию сергачского полицейского управления пристав 2-го стана в присутствии благочинного и приходского священника церковь в селе запечатал. В это время Епископом Нижегородским и Арзамасским становится Модест. К нему – то и направили ходяков из своей партии (причем без ведома и согласия священника) те крестьяне, которые стояли за исправление старой церкви, с прошением разрешить богослужение в старом храме на то время, пока все прихожане не соберут средства, необходимые для его исправления. А о том, что 4 года назад обязались построить каменный, умолчали! Модест, не зная этого, снисходя к просьбе, дает указание осмотреть церковь благочинному с причтом, старостою и старшими прихожанами на предмет возможности еще год проводить в ней богослужения.

Во время осмотра четвертая партия через своих вожаков представила благочинному приговор о том, что их приходская крепкая и не нуждается ни в каких поправках лет на 50. Каково?!. Разрешить эту сложную ситуацию

Строительным отделением был послан архитектор Станкевич, который в присутствии уездного исправника, отца Михаила и сельского старосты осмотрел храм внутри и снаружи и 12 октября 1885 года заключил: «...в храме в настоящем его виде совершать богослужение нельзя, так как фундамент потрескался, связи вышли из своих мест, необходимо им строить новый храм». А в особой пояснительной записке отметил, что если храм подставить и стянуть, но непременно под наблюдением архитектора, то богослужения совершать будет можно. 23 декабря получает приказ совершить исправления и предоставить свидетельство благочинного и свой акт. Крестьяне не согласились на временное исправление. Дальше дело продолжилось ходоками без доверия от целого общества: минуя епархиальную власть, они 28 декабря 1885 года наняли мастера В.А.Морозова перестроить церковь за 800 рублей в таком виде: алтарь, сломав старый, выстроить новый такого же размера на прежнем фундаменте; главную часть сломать до четверика, вновь надстроить прежней высоты, но не шестериком, как прежде, а четвериком, увеличив по ширине на два аршина; трапезу не трогать; колокольню сломать до четверика и сделать выше прежней на два аршина. Отец Михаил, убедившись, что прихожане не хотят руководствоваться ни увещеваниями, ни советами своего пастыря, ни даже указаниями епархиальной власти, решил для себя удалиться из прихода и 2 января 1886 года подает Модесту прошение о переводе его в Столбищи, но получает такой ответ: «Подвиг в построении храма – дело святое и весьма похвальное, перемещать опытного пастыря в такое время, когда один храм закрыт, а другой не строится, опасно для веры и нравственности...»

Когда в село в очередной раз приехал благочинный, ему не сказали о решении от 28 декабря 1885 года, а они вместе со священником рады были уже тому, что прихожане не отказались от перестройки церкви по пояснительной записке и постройке новой, а пришли к решению «...перестроить храм по своему разумению». Добившись своего, крестьяне, опять – таки, не дожидаясь Указа на последний приговор, 29 февраля привезли из Сергача 157 бревен лесу

и 500 пудов извести, а 16 марта уполномочили по постройке храма священника и крестьян Крюкова и Солдатова. 31 марта из Нижнего получено разрешение о постройке по проекту прихожан с одним условием: непременно представить архитекторский план.

В течение почти трех месяцев план составлялся, рассматривался, проходил согласование и к 15 июня был утвержден. За свои труды архитектор получил 259 рублей. 31 июля получено окончательное разрешение, и работа закипела. 3 августа наняли мастера на перестройку за 1325 рублей, другого – класть фундамент по 1 рублю 50 копеек за тысячу кирпича. 12 августа в 12 часу мастера с рабочими стали ломать обшивку храма и каменные сараи, которые пожертвовала на фундамент Варвара Платоновна Кикина, наследница М.П.Щербакова. 15 августа происходило сожжение престола, снятие колоколов и крестов. Об этом событии следует рассказать подробнее.

В этот день после торжественной литургии, совершенной в соборе благочинным Петром Серебровским и священниками окрестных сел Кошкарова – Нечаевым, Андросова – Соколовым, Лопатина – Троицким, отправился крестный ход в Лопатино и остановился перед святыми воротами храма, где дождался пришедший после литургии абаимовский священник Аркадий Владимирский. После свершения молебна и акафиста Святителю и Чудотворцу Николаю престол с жертвенником с пением канона Великой субботы был отнесен на специально приготовленные плотины на речку Ореховку и сожжен с пением псалма «Небеса поведают славу Божию». При этом священники произнесли речи: отец Михаил изложил историю постройки, ремонта и украшения храма, сказал прихожанам, что они ни на кого не должны надеяться, а сами заботиться о благолепии храма; благочинный объяснил, что «престол сожжен не для того, чтобы показать прихожанам, что уничтожена святыня, а для того, чтобы к ней не касалась никакая скверна».

Перестройка церкви закончена была в 1887 году, тогда же и освящена. Священствовали в Лопатине: с 1788 года по 1805 – Василий Яковлев, с 1805 по 1842 – Алексей Федорович Цветаев (его очень любили прихожане, в храме

было 5 икон с надписью: «Писано на средства священника Алексея Федорова Цветаева»), с 1842 по 1850 – Иоанн Сергеевич Лебедев, с 1850 по 1880 – Михаил Васильевич Никольский, с 1881 – Михаил Троицкий.

Лопатинские прихожане все православные, раскольников и сектантов среди них нет, что они очень любят молиться во время крестных ходов, которые в селе бывают не только в установленные дни (6 января и 1 августа), но еще и в праздник Вознесения Господня вокруг всего села, причем по 4 сторонам служат молебны и первый всегда с малым водоосвящением, чтобы позже во время хода по пути окроплять поля и хлеба. 6 января и 1 августа крестный ход совершается на Щербаковское озеро, а 1 августа после освящения воды в нем купают лошадей. Не причащаются только те, которые уходят до начала Великого Поста на Волгу и Дон в судовую работу. Основные занятия крестьян – земледелие и мелочная торговля, среди них нет таких, которые бы владели каким – то ремеслом (плотницким или кузнечным, например), далее обработки своего душевого надела они не идут. Издавна в селе бывает по пятницам рынок на площади возле храма, а в 9 – ю пятницу по Пасхе – ярмарка.

19 февраля 1885 года в селе стараниями отца Михаила открыта церковно - приходская школа, размещавшаяся в нежилом доме купца А. А. Караванова, владельца Лопатина, который приспособил свой дом к помещению в нем учеников и обязался его отоплять. Он израсходовал на классную мебель 60 рублей. В школе обучалось 36 мальчиков. Учителем был псаломщик Николай Тумановский, который в 1888 году «за полезные и усердные труды по школе Его Преосвященством награжден стихарем».

В ревизских сказках за 1850 год Лопатино значится за княгиней Александрой Павловной Вадбольской, в ее владении 375 мужчин и 405 женщин, куплены были у подполковницы Е.П.Толстой, в 1859 - Мемнон Петрович Щербаков (15 – 27).

В 1904 году в приходе проживало 1012 мужчин и 1076 женщин, все православного вероисповедания. Церковной земли 36 десятин, дома у священнослужителей собственные. Иерей – Михаил Васильевич Троицкий, 46

лет, студент семинарии, в приходе с 1881 года, законоучитель в школах, цензор, имеет скуфью (с 1893 года). В 1897 году был избран в Епархиальный училищный совет от Сергачского уезда. Дьяк – С.И.Фигуров, 26 лет, окончил духовное училище, в приходе с 1901 года, законоучитель церковно – приходской школы. Псаломщик – П.М.Цветаев, 26 лет, из 2 класса духовного училища, в приходе с 1902 года. Церковный староста - И.Я.Панкратов с 1891 года.

Приложение 3

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца (с. Мигино)

Село расположено на отлогости горы, имеющей склоны к востоку и югу. С южной стороны гору огибает речка Черная, впадающая в р. Уронгу в двух верстах от села. Через село пролегла дорога из Сергача в Васильсурск, находящийся в 50 верстах от Мигина. В его окрестностях расположены села: Шеменеевка – к востоку, Сосновка – к югу, Вершинино – к западу и Спасское – к северу.

До обращения церковной и монастырской собственности в государственную и до учреждения монастырских штатов в царствование Екатерины II в 1764 году село Мигино с приходской деревней Борисовкой принадлежало Нижегородскому Благовещенскому монастырю и числилось в Курмышском уезде, после 1764 года оно поступило во владение Коллегии Экономии, и крестьяне вместо монастырских стали называться экономическими. С учреждением Нижегородского наместничества в 1779 году и образованием в нем уездных городов село было переведено в Княгининский уезд, а когда окончательно было определено, каким городам быть уездными, а каким заштатными, оно причислилось к Васильскому уезду.

Время образования Мигина и Борисовки как поселений восходит к началу XV века. Местность, занимаемая в конце XIX века Спасским, Долгим Полем и Мигиным, в конце XIV века принадлежала служилому человеку Савве Зюзину, который в 1399 году «дарствовал эту свою вотчину на поминовение себя и своих родителей Нижегородскому Благовещенскому монастырю». В синодиках владение отмечено так: «Спасское селище да Мигины поля долгия». Великий князь Василий Дмитриевич в 1422 году своей грамотой узаконил этот дар за монастырем. Однако из синодика нельзя усмотреть, были ли Мигины поля поселением или пахотной пустошью, но в жалованной грамоте Благовещенскому монастырю об освобождении от пошлин крестьян, поселенных на его землях, данной Великим князем Нижегородским Даниилом Борисовичем в 1417 году, Мигино уже называется селом «со старожильцами в нем и пришлыми в него вновь из других княжеств людьми», первые освобождались от пошлин на 3 года, а последние бессрочно. На долгих полях

впоследствии образовалось селение Долгое Поле. Таким образом, можно с уверенностью говорить на основании грамоты князя, что Мигино образовалось в поселок в первых годах XV века, а к 1417 превратилось в село с устроенным в нем храмом.

Такое быстрое возникновение сначала поселка, а потом и села объясняется тем, что крестьяне, еще не закрепленные на земле, пользовались правом свободного перехода от одного владельца к другому, при этом селились охотнее на монастырских землях, чем на землях служилых людей. Во времена «монастырщины» Мигино было окружено огромным лиственным лесом (дуб, липа, ясень и др.), из которого строились не только обывательские постройки, но и приходские церкви. Когда же лес поступил во владение крестьянского общества, началось постепенное его истребление из-за беспорядочности крестьянского хозяйства, и к концу XIX века остался кустарник, вконец истребляемый крестьянами на топливо, скотом и распахиваемый под пашню.

Если в 1417 году Мигино названо селом, можно предположить, что в нем в то время уже была церковь, которая к 1752 году «весьма обветшала», что побудило прихожан во главе с церковным старостой «бить челом тогдашнему Преосвященному Нижегородскому Вениамину об указе построить новую церковь». 30 октября 1752 года из его домово-казенной конторы дан был указ Ее Императорского Величества за подписью Иоанна, архимандрита Оранского, с печатью Преосвященного церковному старосте мигинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца Константину Петрову о строительстве церкви на том же месте и в то же наименование по правилам и церковным уставам по указу 13 сентября 1734 года: престол должен быть в высоту 1 аршин 6 вершков, в длину – 1 аршин 8 вершков, в ширину – 1 аршин 4 вершка; изготовить все необходимое к освящению, чтобы церковные сосуды были серебряные («по нужде оловянные из чистого олова»), алтарные одежды и священнослужительские облачения «имели хотя бы шелковые»; приобрести книги всего церковного круга, листы в которых должны быть подписаны. Кроме того, необходимо все имущество описать и прислать описи епархиальным архиереям, нужно было также указать, сколько имеется пашенной земли и сенокосных

покосов, сколько в приходе дворов и «душ мужеска пола в наличии». В указе Преосвященного оговаривалось также, чтобы церковь и придел были построены к концу 1753 года непременно в летнее время, чтобы царские врата были бы посреди, около них справа поставить образ Всемилоственного Спаса, слева – образ Пресвятой Богородицы, а также «иные святые иконы по чину».

За два лета 1752 – 53 годов церковь была построена и подготовлена к освящению, которое последовало в 1755 году, о чем свидетельствовала надпись на деревянном кресте, хранившемся в церкви в конце XIX века. По архитектуре церковь самая примитивная: бревенчатые стены, ни внутри, ни снаружи не обшитые и некрашенные, брусчатые потолки вместо сводов, пирамидальной формы шатры вместо куполов. В таком виде церковь простояла почти сто лет, и только с 1851 года стала благоукрашаться: под храмовое здание подвели каменный фундамент, шатровые срубы заменили круглыми куполами, крыши покрыли железом и покрасили медянкой, стены снаружи обшили тесом и покрасили белой краской, потолки заменили сводами на колоннах, полы перестелили вновь, иконостасы сделали новые; в теплом трапезном приделе стены и своды оштукатурили и расписали священными изображениями, в холодном главном храме стены обтянули холстом и расписали, как и в трапезе. На месте, где стояла прежняя церковь, саженьях в 30 – ти на северо – восток от настоящего храма устроили деревянную часовню.

После построения и освящения новой церкви прежняя стояла в запустении около 10 лет до тех пор, пока благовещенского архимандрита Иону не осенила благая мысль перестроить эту церковь на небольшую теплую для живших на монастырском подворье в Мигине монахов и освятить ее во имя новоявленного чудотворца (1752 год) святителя Дмитрия Ростовского. Церковный староста Иван Сергеев, выборный Малафей Хрипунов с приходскими людьми согласились с этим и обратились к архимандриту, который просил Преосвященного Нижегородского Феофана способствовать этому начинанию. По указу Ее Императорского Величества и по резолюции Преосвященства велено было: старую церковь разобрать и с новыми бревнами перестроить, лес, который к строению не годится, употребить на отопление церкви и печение просфор, прежнего престола столбцы и деку зарыть в землю под

новым престолом. Но в 1764 году монастырские имения отошли в собственность государства, а село - в ведение Коллегии экономии, и монастырское подворье в нем нарушилось, потому потребность в особом храме отпала, что помешало благому намерению архимандрита Ионы.

Состав причта в селе в разное время был неодинаков по числу его членов. Так в 1786 году было два священника, дьякон, два дьячка и два пономаря; с 1863 года причт состоял из 4 членов, с 1787 – из двоих, а с 1880 из троих – священника, дьякона и псаломщика.

В 1897 году во владении священно – церковнослужителей села издревле находятся 88 десятин пахотной земли. До 1800 года из них 33 десятины обрабатывали на причт прихожане, а с того года обязались вместо обработки выдавать ежегодно причту: 60 четвертей ржи, 15 – пшеницы и гречи, 10 – овса, 5 – гороху, 240 пудов сена или за все деньгами 380 рублей. В 1871 году по причине предложения губернского присутствия по обеспечению быта духовенства было постановлено: выдавать приходскому причту ежегодно вместо хлебных сборов по 270 рублей, а для размещения членов причта приобрести приходские дома и поддерживать их. Население Мигина по происхождению русское, православного вероисповедания. Оно занималось исключительно земледелием.

Епархиальным Училищным Советом в 1892 году было решено выстроить в числе прочих новое школьное помещение для церковно – приходской школы в селе Мигино и выслано в учрежденные строительные комиссии по тысяче рублей на каждую школу. Крестьяне, оповещенные приходским священником о столь неожиданной для них царской милости, изъявили готовность перевезти лес, купленный в с. Лыскове. Место для постройки школы было выбрано вблизи приходских храмов. В октябре помещение было готово: светлое, просторное, удобное во всех отношениях, увенчанное на кровле святым крестом, дети с нетерпением ждали, когда же они будут учиться в нем.

Освящение было назначено на 22 ноября. Торжество происходило в таком порядке. Была совершена Божественная литургия заведующим приходской школой священником П. Руновским в сослужении наблюдателя церковных школ 3 - го

Васильского округа священника с. Сосновки И. Архангельского и священника с. Вешинина Р.Владимирского. Отцом наблюдателем было сказано поучение, в котором проповедник убеждал родителей, по примеру еврейских женщин, приводить своих детей ко Христу – в храм Божий, где «невидимо пребывая, благословляет наших детей Божественный Наставник, и в христианскую школу, где дети через научение Закону Божию могут приобрести познание о Самом Верховном Учителе».

По окончании литургии священнослужители вышли из храма с крестным ходом в новоустроенную школу, где рядами были расставлены ученики и ученицы. Здесь же находились многие из их родителей, а другие богомольцы расположились на церковной площади вокруг училища. Здесь было совершено молебное пение с водосвятием и после пения тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя...» прочитана молитва « Егда кто имать внити в дом нов». После этого совершено окропление святой водой всего училищного здания, провозглашено многолетие Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу, Преосвященнейшему Владимиру, Епископу Нижегородскому и Арзамасскому, всем благодетелям, учителям и учащимся и всем православным христианам.

Законоучителем священником П. Руновским была произнесена речь, в которой он убеждал детей заниматься с должным усердием и старанием в новой школе, «устроенной для них благопопечительным Правительством». Молебное пение закончилось хвалебным славословием: «Тебе Бога хвалим», после чего крестный ход возвратился в церковь при пении тропаря на праздник введения во храм Божией Матери. На торжество освящения прибыл земский начальник Н. П. Геркен.

На следующий день законоучителем этой школы был отслужен в школе молебен перед началом учебы, после чего состоялся прием учащихся. Всего принято с прежде бывшими учениками¹³⁴, из них 91 мальчик и 43 девочки в возрасте не моложе 9 лет. Учителем школы являлся приходской дьякон В.Петропавловский.

В 1904 году в приходе одна деревня, православных: 1732 мужчины, 1783 женщины, раскольников – 73. Есть церковно – приходская школа. Иерей – Павел Васильевич Руновский, 57 лет, окончил семинарию по 1 разряду, в приходе с 1885 года, имеет наперсный крест (1891), орден Св. Анны 3 степени (1897). Дьяк –

В.В.Мизинов, 41 года, окончил духовное училище, в приходе с 1903 года.
Исполняющий должность псаломщика – Н.Флеров, в приходе с 1903 года. Церковный староста – П.А.Богаткин (1897).